

18+

М. АРГО

Чудовая Сторона:

Лунный Алфей

М. Арго

Чудовая Сторона: Лунный Алфей

«Издательские решения»

Арго М.

Чудовая Сторона: Лунный Алфей / М. Арго — «Издательские решения»,

Парень из деревни теряет смысл жизни после ухода единственного близкого человека. Горе и безнадёжность толкают его на отчаянный шаг, но смерть отказывается принимать его в свои объятия. В этот момент он узнаёт правду о себе, которую тётка скрывала всю его жизнь: он — нелюдь. Ему предстоит принять свою сущность и окунуться в скрытый от глаз людей мир. Это мрачное и динамичное фэнтези на выходные, где юмор — единственное оружие против всепоглощающей тьмы. Книга открывает цикл «Чудовая Сторона».

© Арго М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Погоня. Часть 1	6
Глава 2. Прощание	9
Глава 3. Отголоски безумия	14
Глава 4. Несостоятельность	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чудовая Сторона: Лунный Алфей

М. Арго

© М. Арго, 2026

ISBN 978-5-0070-4770-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Погоня. Часть 1

Как обманчива красота осеннего леса на закате дня. Солнце, уже почти скрывшись за зубчатой линией горизонта, последними яркими лучами золотило верхушки деревьев, но внизу, у корней, сгущались зловещие тени. Воздух приобрёл совершенно магический аромат — густой, влажный запах прелых листьев и грибов смешался с терпкими хвойными нотами ельника. Ветер стих, словно затаив дыхание вместе со всем лесом. В этой звенящей, абсолютной тишине было отчётливо слышно лишь одно — чьё-то хриплое, надрывное дыхание.

Кто-то бегом продирался сквозь чащу, разбрызгивая вязкую грязь и ломая сухие ветки, и каждый этот шаг гулким эхом отдавался в готовящемся ко сну лесу.

— Я оторвался... Да! — с уст невольно сорвался нервный, похожий на всхлип смешок.

Бегун с шумом втягивал ледяной воздух носом, пытаясь восстановить дыхание, но всё нутро горело огнём. Он наконец добрался до проторённой тропы, которая вела на выход из леса. Нельзя было терять ни секунды, как и нельзя бежать по дороге — так он стал бы слишком лёгкой добычей, идеальной мишенью. Преследователь был где-то рядом, он чувствовал это затылком. Беглец сошёл с маршрута, забег начался снова. Он пробирался через лесные заросли, растущие параллельно хоженной тропе, цепляясь одеждой за колючие ветви шиповника. Мысли о возможном спасении слабо грели его душу.

Но эта искра надежды резко сменилась новой волной отчаяния. Он на полном ходу зацепился за что-то ногой. Старый, узловатый сук, словно живое существо, намеренно вцепился в дорогую ткань его брюк, не желая отпускать свою жертву. Его будто невидимой волной отбросило назад, он потерял равновесие и всю дополнительную фору, которую ему было так тяжело заработать. Жалобно пропищав и раздирая ладони о предательский куст, беглец рухнул на колени. Пульс стучал в висках, сам он вертел головой во все стороны, словно испуганная сова, пока судорожно пытался двумя руками освободить ногу. Оглушительный треск ткани прервал молчание леса, и кусок бежевых брюк остался на древесине.

Он дёрнул головой влево — непролазный колючий кустарник. Вправо — голый, беззащитный ствол сосны. Укрыться нигде. Нигде! Словно сама природа сговорилась против него. Значит, надо продолжать бежать, чего бы это ни стоило. Каждый вдох обжигал гортань ледяным воздухом, который разрывал лёгкие и обдавал бледное, как мел, лицо. Он продолжал бежать, не слыша ничего, кроме нескончаемого потока навязчивых мыслей и бешеного стука собственного сердца, который заглушал всё вокруг.

— Споткнусь ещё раз и всё...

— Ничего не получится...

— Я не смогу...

И вдруг сзади, там, откуда он бежал, раздался звук. Не хруст веток под ногами, а низкий, едва уловимый звук шуршания, будто кто-то тащил по земле тяжёлое бревно. Сзади него, казалось, прямо из сгущающейся тьмы выросла странная фигура. Она была покрыта не просто мхом и опавшей листвой — она состояла из них. Лесной мусор шевелился на ней, жил своей жизнью, стекая вниз бесформенной массой. Фигура медленно повернула то, что должно было быть головой в сторону своей жертвы.

— О, нет! — марафонец сразу увидел того, кто его преследовал.

Тот одним хищным, нечеловеческим рывком поднялся с сырой земли, словно мох и прелея листва, из которых он состоял, сгустились в человекоподобную фигуру. В этот момент мир для беглеца изменился — зрение обострилось до предела, а время замедлилось, растянувшись в вязкие, как сама грязь, бесконечные секунды. Он видел всё с пугающей ясностью. Сначала едва уловимо качнулись кусты малины, выдавая движение. А следом зашевелился, пополз по земле мох, которым было облеплено тело преследователя. На нём был не просто камуфляж — это было самодельное ноу-хау, до которого не додумался бы ни один, даже самый опытный деревенский охотник.

— Он действительно профи своего дела... Почему нельзя было нанять кого похуже?! — горько и обречённо подумал преследуемый за долю секунды до того, как инстинкт самосохранения отключил разум и его ноги сами понесли тело дальше.

Среди веток и спутанной травы теперь можно было разглядеть лишь глаза охотника. Их белизна — влажный, блестящий белок — светилась в сгущающейся темноте, как у лесного зверя. Мокрая листва под его ногами обеспечивала абсолютную бесшумность. Он действовал с пугающей методичностью. Гонитель медленно вытащил из замаскированного под корягу колчана переливающегося металлическим блеском, тёмно-фиолетовую стрелу. Он приготовился к выстрелу. Его движения были уверенными и отточенными до автоматизма. Он отчётливо видел свою цель — светлая одежда жертвы была не самой лучшей маскировкой в тёмном лесу. Он натянул скрипучую тетиву из воловьей жилы, и лук стал продолжением его тела. Мгновение — и тетива задрожала, как дрожит натянутая струна гуслей, по которой ударил гусляр. Охотник замер неподвижно, как статуя.

Свист.

Стрела сорвалась с тетивы.

Бегун уже видел просвет впереди — лес стал редеть. Он был близко к выходу. Повинуясь слепому инстинкту, гонимый смертельной опасностью, он в очередной раз обернулся назад. В этот момент его нога зацепилась за корень дуба, идеально замаскированный ковром из жёлтой листвы.

Это спасло ему жизнь.

Там, где долю секунды назад была его голова, в вековое дерево вонзилась стрела. Вибрация от удара прошла по стволу. Тонкий ствол молодого ясеня рядом с треском переломился пополам от ударной волны.

Потеряв равновесие, беглец полетел на землю. Мир замелькал перед глазами — калейдоскоп из тёмно-синих кусков неба и бурых, прелых листьев, выставших подъём на косогор. Он кубарем катился вниз по склону и в какой-то момент отчаянно понадеялся сломать себе шею. Тогда бы это всё прекратилось. Чёрные, гибкие ветки ракиты хлестали его по лицу, оставляя жгучие царапины. При следующем кувырке с головы слетел иссиня-чёрный парик. Ещё несколько оборотов — и он достиг подножия откоса, приземлившись лицом в холодную, клейкую грязь. От удара грудью о землю из лёгких со свистом вышел весь оставшийся воздух.

Он лежал ничком, оглушённый и обездвиженный, не в силах сделать ни единого вдоха.

— Мои вещи-и... Они... не отстираются.

Жертва на мгновение потеряла связь с реальностью. Сознание, спасаясь от ужаса, уцепилось за самую абсурдную мысль. Он тупо посмотрел на рукава некогда бежевого свитера, которые от лесной грязи и мути стали практически чёрными, как земля, в которой он извальныйся.

Побарахтавшись в чернозёме, он чувствовал, что его тело скоро вовсе перестанет его слушаться. Оно просто не выдержит такого напряжения и нагрузки. Резкая, ослепляющая боль пронзила лодыжку — он определённо подвернул ногу во время падения. Теперь она горела огнём, но эта боль была ничем по сравнению с огненным жалом, которое кто-то методично вгонял ему под ребро с каждым судорожным вдохом. Отчаяние и безысходность начали поглощать незадачливого акробата. Он кожей, каждым нервным окончанием чувствовал, как его преследователь неумолимо приближается.

Но паника всё-таки придала ему сил. Она сработала как дефибриллятор, пустив по телу новый заряд адреналина. Он подскочил и, сильно хромая, побежал в низину, продираясь сквозь смешанные заросли сухих кустарников. Он затаился в самой гуще орешника и колючей травы. Холодная, влажная земля пробирала до костей, но он боялся даже пошевелиться. По телу пробегала крупная нервная дрожь, и каждый мускул звенел от напряжения, готовый лопнуть. Он старался слиться с пейзажем — дышать как можно тише, поверхностно, чтобы ничем себя не выдать.

Сердце билось как сумасшедшее, и всё естество билось с ним в такт. Даже картинка в глазах пульсировала в этом бешеном ритме.

Тук-тук-тук...

Мир на мгновение темнел.

Когда он сквозь травинки и ветки увидел своего недруга, он и вовсе задержал дыхание и перестал моргать. Глаза драго, но он не смел их сомкнуть. Его враг не спешил. Он двигался с ужасающим хладнокровием. Сначала прошёлся в одну сторону, потом в другую, низко опустив голову — он искал следы. Охотник не смотрел по сторонам, он читал лес как открытую книгу, изучая сломанные ветки и примятую траву.

— Мне конец... — эта мысль заполнила сознание, вытеснив все остальные, когда взгляд охотника, казалось, прошёл прямо сквозь заросли и упёрся в него.

Беглец перестал дышать. Время остановилось. Но следопыт лишь скользнул взглядом по этому участку леса и двинулся дальше. Жертве повезло. Он был вымазан в черной земле с головы до ног, и теперь, слившись с цветом почвы, на которой неподвижно лежал, стал её частью. Ищейка его не заметил. Он начал двигать в сторону дороги, в конце которой виднелись первые вечерние огни поселения.

Мышцы бегуна, сведённые судорогой от долгого пребывания в одной позе, взвыли от боли, когда он стал неуклюже подниматься. Суставы щёлкали, словно сухие ветки. Но страх был сильнее. Это был его единственный шанс. Он собрал в кулак остатки воли и последние капли сил. Резко оттолкнувшись от земли, он побежал в противоположную от преследователя сторону.

Он двигался так быстро, как только мог, преодолевая резкую, пронзающую всю ногу боль в подвернутой лодыжке и жжение в боку. Каждый шаг отдавался ударом молота по всему телу. Он проклинал тот день, когда ему в голову пришла эта бредовая идея. Идея, которая сейчас аукнулась ему смертельным эхом. Это был Алфей. И сегодня он должен был умереть.

Глава 2. Прощание

Жизнь в деревне Брёвеньки шла своим, устоявшимся чередом. Она находилась так далеко от крупных населённых пунктов, что её не было ни на одной официальной карте необъятной страны. Зато стояла эта деревня в таком живописном месте, окружённая глухими, непроходимыми лесами, что казалось, будто она перенеслась сюда напрямиком из какой-нибудь известной, но давно всеми забытой сказки. А может, её и не было вовсе. Или она существовала в своей собственной, параллельной вселенной, куда не было хода чужакам. Впрочем, это не имеет никакого значения.

Люди там жили самые обычные. Никто из них не следил за модой и не интересовался мировыми новостями, которые всё равно никогда не доходили до их окраины. Местное население никуда и никогда не спешило — жизнь здесь измерялась не привычным времяисчислением, а восходами и закатами, сменой времён года, посевами и сбором урожая. Каждый был занят своим делом: кто-то возился со скотиной, кто-то забрасывал сети на лесном озере, а кто-то с самого утра хлопотал у русской печи.

Но однажды летним утром небо над Брёвеньками затянулось низкими, серыми тучами. И не омрачило это ровным счётом никого, кроме одного деревенского парня по имени Алфей. Пока вся деревня жила своей привычной, размеренной жизнью, он хоронил своего единственного близкого человека — тётю.

С деревенского погоста начала было разлетаться исполняемая прокуренным басом строчка песни:

— Чёрный во-о-орон... Что ж ты выё-ё-ся...

Это местный выпивоха Егорыч, нанятый за бутылку племенником Горюмы, хотел создать «особую» атмосферу на похоронах. Алфей был не в восторге от его репертуара, но, так как не мог запретить мужику петь, лишь сжал кулаки и попросил исполнить что-нибудь другое. На деревенском кладбище не было никого, кроме самого Алфея, двух местных алкашей-помощников и, как казалось парню, чьих-то любопытных глаз, наблюдавших из-за деревьев.

— А на кладбище всё спокойненько... — ревел Михаил Егорович, высокий, тучный мужчина, который только что закончил копать могилу.

Он постоянно дёргал вверх заношенные штаны. Они явно принадлежали раньше кому-то другому — короткие, больше похожие на бриджи. Свои он, видимо, пропил.

— Ни врагов, ни друзей не видать... — гнусаво подхватил Никодим.

Этот «помощничек» был полной противоположностью своего товарища: маленького роста, коренастый, с огромным сизым от пьянства носом. В отличие от своего собутыльника, он был патологически ленив. Всю тяжёлую работу выполнял его здоровенный приятель, а Никодим просто стоял рядом и жадно смотрел на наполненную под завязку трёхлитровую бутыл из мутного зелёного стекла, периодически потирая руки в предвкушении.

— Всё культурненько, всё пристойненько... — завывал он, не сводя глаз с вожделенной ёмкости.

Алфею было невыносимо тяжело смотреть на то, как неуважительно относятся к его тётке, но эти местные пьяницы были единственными, кто вообще согласился ему помочь. Их маленькую семью здесь не особо жаловали, хотя племянник с тёткой жили в Брёвеньках давно и мирно.

Он всё время смотрел себе под ноги, боясь оступиться на рыхлой земле или забыть строгие, суеверные наставления, которыми накануне засыпали его местные бабки.

— Исключительная благодать! — закончив копать, толстяк Егорыч позвал коротышку.

Вдвоём они стали опускать на дно могилы гроб из тёмной ели. Заколачивать крышку сейчас не пришлось — племянник сделал это сам, накануне. Прощаться с Горюмой всё равно бы никто не пришёл, а он не мог смотреть на неё, пока гроб с ней стоял в доме. Она была пожилой, но не настолько, чтобы так скоропостижно покинуть мир живых. Алфей нашёл её утром, после того, как безуспешно попытался самостоятельно покормить её курочек.

Она сидела в своей постели, и лицо её было перекошено гримасой запредельного ужаса. Рот с бледными, как будто обескровленными губами был открыт так широко, что глубокие морщины в нижней части лица разгладились. Сам зев внутри был странного синюшного оттенка, а язык и дёсны — мертвенно-белыми. Её тяжёлая, массивная челюсть была максимально выдвинута вперёд, словно в последнем усилии укутить саму смерть. Глаза, от природы глубоко посаженные, выпучились так, что, казалось, вот-вот вывалятся из орбит.

Руки были согнуты в локтях, пальцы сведены судорогой и напряжены до белизны костяшек — она как будто до последнего мгновения сжимала в руках невидимые теннисные мячи. Левая нога была прямой, но вывернута в бедренном суставе под немыслимым для живого человека углом. А правая нога была согнута так сильно, что коленкой практически прижималась к подбородку, как у тренированной гимнастки.

Создавалось такое впечатление, что в последний момент своей жизни Горюма увидела что-то невообразимо кошмарное. Что-то настолько ужасное, что тело отказалось подчиняться разуму, сведённое предсмертной судорогой. И от этого ужаса убежать ей не удалось.

Поэтому Алфей и поступил по-своему. Не в силах выносить этот застывший крик и боясь даже представить причину такой смерти, он не стал соблюдать похоронную традицию. Он просто заколотил гроб.

— Сначала монетки... — Алфей сжал в правом кулаке несколько медяков, которые велела взять на церемонию одна из советчиц.

Он так и не понял, зачем деньги покойнице. Версии разнились. Одна бабка орала о плате за землю, на которой теперь будет «проживать» Горюма. Другая упоминала платный вход в загробный мир, а третья давала наставления о привязке духа к новому месту жительства. На всякий случай он решил не противиться традиции. Ему не хотелось, чтобы призрак тётки преследовал его по ночам.

— Потом... земля. — Это чтобы не плакать и не страдать по ушедшему родственнику. — опять-таки посоветовали ему с формулировкой «хоть что-то у неё будет по-человечески».

На лице парня появилась слабая, горькая улыбка. Горюма была самой несуетной женщиной в этой деревне. Или в этой стране. А может, и во всём мире. Она терпеть не могла ритуалы и приметы, поэтому назло всем демонстративно подкармливала чёрных котов и дефилировала по деревне с пустыми вёдрами.

И сейчас, если бы она стояла рядом с племянником у своей могилы, то обязательно закатила бы глаза к небу, а то и похихикала бы над всей пафосной абсурдностью и назвала бы это всё глупостью несусветной.

За ним из-за раздвоенной берёзы украдкой следила Клавдия — его соседка, а по совместительству и хорошая знакомая, с которой они общались с самого детства. Она не могла открыто коммуницировать с ним, но чувствовала, что должна поддержать друга, пусть и незримо. Клаве пришлось прибегнуть к обману, чтобы прибежать сюда. Мать часто журила свою непутёвую, как она говорила, дочь за общение с этой «неблагополучной семейкой».

Алфей стоял к ней спиной, и ей было видно немного, но с лихвой хватило даже этого. Ей бросились в глаза его более понурый, чем обычно, вид, опущенные плечи и трясущиеся от напряжения руки, в которых он что-то сжимал. Слезы градом катились из её глаз, и весь мир вокруг для неё тоже стал серым, как и провалившееся небо. Она утёрлась сначала рукавом, а затем — своими же волосами, выбившимися из тугой золотисто-медной косы.

Труженики уже приступили к закапыванию Горюмы. Сначала на простенькую крышку гроба, которую украшал одинокий живой подсолнух, упали три монеты. Потом, когда солнечный цветок скрылся под влажной землёй на две трети, Алфей бросил горсть из левой руки. Остаток погребения проходил в звенящей тишине. И только тихие, безнадежные всхлипы сироты нарушали эти минуты тягостного молчания.

Клавдия, видевшая, как беззвучно трясутся плечи её друга, опять начала тихо плакать. Она всем сердцем почувствовала, как ему сейчас невыносимо тяжело и одиноко. Поднялся ветер. Тёмная, болотного цвета рубаха облепила болезненно-худое тело Алфея, придав ему ещё более жалкий и потерянный вид.

— Надо бы это... Помянуть! — шумно сглотнув набежавшую слюну, к Алфею подошёл Никодим.

Рыхлая земля уже образовала небольшой холмик на месте погребения, который Егорыч пытался разровнять, неуклюже тыкая в него лопатой.

— Забирайте бутылку и уходите. — голос Алфея был пустым, он смотрел сквозь пьяницу, словно того и не было. Тому было абсолютно всё равно.

— Ну, это... Сосед, всего тебе! — Никодим скорчил скорбную мину, которая совершенно не вязалась с его бегающими глазками, и дёрнул своего дружка за верёвку, служившую тому ремнём.

Они вдвоём поспешили удалиться с кладбища, чтобы без помех распить уготованное для них спиртное.

Клавдия, стоявшая за берёзой, вжалась в ствол ещё сильнее, когда мимо неё, покачиваясь, проходили местные алкоголики.

Алфей снял с головы потрёпанный гречневик, отдавая последнее уважение усопшей. Он медленно надел головной убор обратно, развернулся и пошёл к выходу с погоста.

Пройдя мимо сросшихся деревьев, его окликнула Клавдия. Глаза её были опухшими от слёз, а нос — красным, как у Никодима, потому что она постоянно вытирала его волосами.

— Феля... мне так жаль... соболезную... — её тоненький голосок жалостливо дрожал.

Ей было тяжело смотреть на него. Он сильно сутулился, словно стеснялся своего высокого роста. Бледнее обычного, его лицо осунулось. Острый нос теперь сильно выделялся на

исхудалом лице, но зато не так контрастировал с острым подбородком и очерченными скулами. Взгляд правого глаза был потухшим, а левый, как всегда, был завязан тёмной тканью.

Клава со своим здоровым румянцем и лёгким золотистым загаром лишь подчёркивала его бледно-сиреневую кожу. Она была цветущей ромашкой, а он — колючим, неприятным терновником. Он даже не посмотрел на неё.

— Если тебе что-то понадобится... Ты только скажи... — она нагнулась, пытаясь заглянуть ему в здоровый глаз.

Только она хотела взять его за руку в знак поддержки, как он молча отвернулся от неё и пошёл прочь.

Слёзы непроизвольно навернулись на её синие, как полевые васильки, глаза. Она так и стояла около этих берёз, пока его фигура не скрылась за дальним поворотом.

Повязка на левом глазу Алфея намокла. Мужская, скупая слеза скатилась по его впалой щеке.

Он направился домой, хотя ноги его совершенно не слушались. Они не хотели туда идти, в пустой и холодный дом, где больше не было взбалмошной старушки. Больше родственников у него не было. Алфею казалось, что если он обернётся назад, то обязательно увидит Горюму — одетую в своё любимое зелёное платье в розовый цветочек, с её едкой ухмылкой, постоянно красовавшейся на мужеподобном лице.

Он был не так уж далёк от истины. Всё это время — с начала похорон и до того момента, как он ушёл с кладбища, тётя действительно была рядом с ним.

Именно в том самом платье, укрывшись, как накидкой, ярко-голубым платком с подсолнухами, в своих любимых разных носках и вязаных голубых тапочках, она находилась в паре шагов позади племянника. Горюма то и дело поглядывала на него, искренне не понимая, почему он так расстроен. Она даже пыталась положить свою тяжёлую руку ему на плечо в знак поддержки, но ладонь почему-то проваливалась сквозь его тело.

— Ерунда какая-то, — сетовала она на сложившуюся ситуацию, глядя на свою бестелесную руку. — Вот ведь напасть.

Она посмотрела на себя в чужое наполированное надгробие, как в зеркало. На похоронах надо выглядеть безупречно. А она всегда так выглядела, по её же мнению. Высоченный пучок-башня на голове идеально подходил для любого случая. Тени вокруг глаз создавали эффект чёрных кругов, как у панды, но Горюме это нравилось — казалось, что глаза ярко накрашены тенями. И, конечно, тёмная помада непонятного оттенка. Она никогда не появлялась на людях с ненакрашенными губами. Она пару раз ударила указательными пальцами по своим сергам-цветочкам, чтобы убедиться, что они ровно висят.

Горюма видела, как уходят местные пьяницы, которым она обещала бутылку самогона. Она очень удивилась, увидев в руках Никодима бутылку с ядом из их с Алфеем дома, но спрашивать не стала.

— Мало ли кому что нравится... — рассудила она. Вот она сама, например, никогда не пила алкоголь, потому что он мог её убить. Поэтому о вкусах не спорят.

Видела она и заплаканную Клавдию. Утешать её не стала:

— Что взять с молодой барышни? — она в её возрасте тоже была очень уж впечатлительной.

Так тётка и стояла рядом с племянником, пока он не ушёл. Она смотрела ему вслед в недоумении, сама при этом уйти с кладбища почему-то не могла.

Небо становилось всё темнее, в сторону Брёвенок ползли чёрные грозовые тучи. Но прямо над Горюмой кусочек неба вдруг посветлел, и ей стало любопытно, что там происходит. Ничему не удивившись (после смерти удивляться было бы глупо, хотя она и при жизни мало чему удивлялась), она с силой оттолкнулась двумя ногами от земли, как будто прыгала в высоту, и подлетела вверх, потеряв по дороге один тапочек.

Заглянув в этот противоестественный небесный разлом, она ахнула — наверху было светло как днём. Розовые густые облака, похожие на сахарную вату, были так мягки и пушисты, что невозможно было не трогать их. Там, наверху, было на что ещё посмотреть. Вдалеке виднелось какое-то величественное золотое строение.

— А мне здесь нравится! — зычным голосом протянула Горюма. — Остаюсь!

Она играючи залезла на ближайшее облако, словно на диван, и разлом в небе за её спиной тут же затянулся. Полупрозрачный платок с подсолнухами, упавший с неё во время взлёта, медленно опускался на землю, становясь всё более и более незримым, пока полностью не растворился в паре метрах от могилы.

Глава 3. Отголоски безумия

Кладбище находилось от деревни довольно далеко, к нему вела узкая, протоптанная в траве дорожка. Алфею почудилось, что он шёл до дома целую вечность. Он старался по дороге ни с кем не встречаться, что было весьма затруднительно в самый разгар «рабочего дня», когда вся деревня была на виду. Ему удалось добежать до своего крыльца как раз перед тем, как небо окончательно рухнуло вниз. Ливень хлынул стеной.

Ему показалось, что сама природа оплакивает Горюму, в отличие от местных жителей, которые шептались о том, что теперь неплохо было бы избавиться и от второго «отщепенца».

Он бесшумно закрыл жёлтую дверь с кусочками отколовшейся краски. Наконец-то всё закончилось. Больше не надо притворяться стойким и безразличным. В сенях, прислонившись спиной к двери, он просто стоял. Он не заметил, сколько прошло времени. Алфей смотрел перед собой стеклянными глазами и видел лишь одинокий плащ, висящий на гвоздике.

Сколько воспоминаний может быть связано с одной вещью... Он посмотрел на пёструю накидку, которую Горюма сшила из кусков его детской одежды специально для него. Алфей такой подарок не принял. В деревне хоть и не придерживались стандартов французской моды, но столь нелепый плащ вызвал бы волну недоумения, а потом и возмущения. Парню не нравилось привлекать к себе внимание.

Горюму это совсем не расстроило. Она обозвала его скучнейшим дальтоником, а потом присвоила эту деталь гардероба себе. Алфей даже подумал, что она изначально шила этот плащ себе — тётя была женщиной крупной, минимум на четыре размера крупнее племянника. Она часто носила его, когда занималась огородом.

Разноцветное полотно должно было навевать добрые и приятные воспоминания, но... Как говорится, в каждом доме по кому, а где и по два. Ярко-красное пятно квадратного лоскута первым привлекло внимание Алфея. Оно напоминало ему о том дне, как сильно он впервые возненавидел свою тётю. Впоследствии это чувство, к сожалению, посещало его не раз.

Ему было тогда не больше пяти лет. Стоял солнечный морозный день. Горюма сняла с окна короткую занавеску, разрежала её пополам и набрала два плотных кулька чистого снега.

— Это подготовка к игре. — сказала она, и он безоговорочно ей поверил.

Она заставила Алфея держать эти два студёных, обжигающих холодом кулька прижатыми к ушам. Когда мальчик перестал чувствовать собственные уши, и онемевшая кожа потеряла всякую чувствительность, она накрыла ему плечи его любимой красной водолазкой. После этого Горюма взяла наточенные портновские ножницы и сделала то, что Алфей не мог простить ей до сих пор. Она отрезала ему кусочек уха.

Заморозка оказалась хорошей, но не особо действенной идеей. Крови было много, густой и яркой, но только сейчас, повзрослев, Алфей понял истинную причину её выбора одежды. Ей не хотелось потом мучиться с выведением пятен.

Он бегал от неё как ужаленный, держа своей крохотной ладошкой искалеченное правое ухо, из которого хлестала кровь, пачкая красный свитер. А она в этот момент кричала на него и велела, чтобы он немедленно вернулся и сел обратно на табуретку. По её словам, с такими ушами как у него в деревне выжить было нельзя.

— С какими такими?.. — Алфей вздрогнул, вырванный из воспоминаний, и посмотрел в пустоту комнаты, не дождавшись ответа. Он медленно подошёл к зеркалу. — Ну, немного вытянутые сверху кончики, и что?

Он повернул голову вбок, чтобы рассмотреть непокалеченное, безумной тёткой, левое ухо.

— Можно подумать... — он тяжело вздохнул, проводя пальцем по старому шраму на правом ухе. — ...что это единственное уродство. Что ж ты до конца дело не довела...

Он приподнял ткань, служившую ему глазной повязкой, и осторожно, по миллиметру, начал открывать левый глаз.

Правый глаз у него был нормальным, с радужкой стального цвета. А вот левый... Левый глаз был ещё одной из аномалий. Он был не просто голубым — он сиял холодным, неоновым светом, не хуже какого-нибудь маяка в ночи. Зрачок был настолько сужен, что казалось, его и вовсе нет.

Алфей в детстве часто ради шутки слепил этим глазом кошек, собак, птичек и даже саму Горюму. Она заставляла его носить повязку — это была ещё одна причина, по которой они часто ссорились. С одной стороны, она не хотела, чтобы местные называли его уродом. С другой — ему самому было физически тяжело смотреть на мир одним глазом, постоянно ощущая этот незатухающий, чужеродный огонь под веком.

Он снова завязал глаз плотной тканью. На душе было так же пусто, как и в доме, но губы против воли растянулись в горькой улыбке. Алфей вспомнил тот единственный раз, когда дал тёте настоящий словесный бой. Ему было лет семь или восемь.

— Ты тоже далеко не красавица! — выпалил он тогда. — Больше похожа на какого-нибудь бледного нетопыря, каким пугают непослушных детей!

Её шоку не было предела. Она беззвучно открывала рот, да так и застыла, словно рыба, выброшенная на берег.

А он, почувствовав вкус победы, на этом не остановился и стал до кучи перечислять её недостатки:

— Нос картошкой! Прозрачные глаза, как у мертвеца! И этот странный малиновый цвет волос, который ты пытаешься закрасить чёрной хной, а получается только хуже!

Она тогда резко замолчала. Просто развернулась и ушла в свою комнату, плотно прикрыв дверь. Целую неделю она с ним не разговаривала. Правда, на улице она его в качестве ответной меры тоже тогда не выпускала, устроив домашний арест.

Алфей пришёл на кухню. На столе стояла её чашка с недопитым чаем, который за несколько дней покрылся радужной плёнкой плесени. Пока он смотрел на эту литровую металлическую эмалированную лохань, в голове промелькнула мысль о том, что всё-таки было и много хорошего.

Вот, например, она так хвалила его, когда он нанёс ей около полосьмины воды из колодца. Одной рукой, потому что вторую он тогда сломал, неудачно скатившись с ледяной горки. А Горюма не могла сама принести воду — она слегла с какой-то тяжёлой хворью. Только он начал думать о тётке в положительном ключе, как тут же в памяти всплыл другой эпизод.

На следующий день, окрылённый её похвалой, он решил стать самым лучшим помощником и чуть ли не языком вылизал всю избу. А она... вместо похвалы достала огромную лупу, какую используют часовщики, и тыкала его носом в крохотное пятнышко плесени в углу погреба, которое он упустил.

Он попытался вспомнить что-то ещё хорошее. Но нет. Ничего, кроме тех редких моментов, когда она радовала его неожиданными подарками или сюрпризами на именины. И чем

больше он думал об этом, тем яснее становилось, что его тётка была душевно больной, причём её недуг с каждым годом прогрессировал всё сильнее.

Алфей вспомнил, как её сеансы сказок на ночь становились всё реже, а потом и вовсе прекратились. По ночам весной и летом, она около полуночи уходила в лес за какими-то травами, а после варила из них какую-то странную настойку. Эту дрянь она пила сама и ею же травила крыс в погребе.

Чем старше становился Алфей, тем труднее было ей угодить. Он жил в постоянном напряжении, не зная, чего ожидать от неё в следующий момент. То она безмерно хвалила его за какую-нибудь ерунду, а через пять минут ругала за мелочь, на которую никто другой и внимания бы не обратил. Её настроение менялось как ветер в мае.

А как она чудила! Она могла потащить его зимой на замёрзшее озеро, утверждая, что ему срочно нужно загореть, потому что у его кожи был оттенок «как у суповой курицы». Пока она сама, раздевшись до пояса, загорала в минус тридцать у кромки льда, он сидел рядом, укутанный ею же в несколько одежек, из-под которых торчал только нос.

Сначала в деревне ему все сочувствовали. И когда она гуляла по улице с деревянной лошадкой на привязи и парасолью во второй руке, выбелив лицо мукой на манер заграничных аристократов. И когда она притворялась козочкой, чтобы воровать яблоки прямо из рук у соседских детей. И когда заставляла принимать эти зимние солнечные ванны...

Сочувствие быстро сменилось насмешками.

Многие дети его всё равно задирали. Они бросали его в компостную яму, запирали в хлеву со свиньями, подвешивали вниз головой на старой яблоне. Единственной, кто видел в нём человека, а не родственника местной сумасшедшей, была девчонка из дома напротив — та самая Клава. Но даже эта дружба продлилась недолго.

Деревенским детям было запрещено приближаться к нему, после одного вопиющего случая. Однажды одного из уже взрослых заدير нашли мёртвым в лесу. По слухам, от него осталась только кожа, как будто кто-то высосал из него все внутренности.

По привычке всё свалили на бездушную Горюму, хотя Алфей был уверен, что это не она. Он знал наверняка, что за всем этим кошмаром стоял кто-то другой. Но деревня нуждалась в виноватом, в козле отпущения, на которого можно было бы повесить все грехи, и его тётка идеально подходила на эту роль.

Несмотря на всю ненависть односельчан, она никогда не отказывала кому-то в помощи. Если у кого-то заболела скотина или случался пожар, первой на помощь приходила именно Горюма со своими странными снадобьями и нечеловеческой силой. Она могла часами сидеть у постели больного ребёнка, когда остальные лишь сочувственно качали головами издалека. А потом эти же люди, чьих детей она спасала, перешёпывались у неё за спиной, называя её полоумной.

Однажды ночью к ним в дом постучалась горбунья — странствующая калика-сиротка. Она попросила лишь стакан воды, а Горюма вынесла ей не только воду, но и целую котомку с продуктами: краюху хлеба, пару луковиц и даже кусок солонины.

Это всё увидела жена Егорыча, подглядывавшая из-за забора. И она подумала, что грех не воспользоваться такой «тупостью». Ведь дураков учить надо. Она дождалась следующей ночи и постучалась к ним сама. Когда Горюма открыла дверь, Настасья поведала душещипательную историю о том, что их дом якобы обокрали, и им с детьми нечего есть.

Встревоженная горем соседки Горюма собрала ей узел побольше, положив туда не только еду, но и одеяла с подушками. Настька приходила к ним несколько ночей подряд, сочиня новые байки, пока в доме Алфея и Горюмы практически ничего не осталось.

Так и не поставив самовар, Алфей ушёл с кухни. Ему не хотелось ворошить прошлое, но каждая мелочь в доме кричала о единственном родном человеке. Он подошёл к двери, ведущей в её комнату. Хоть и не сразу, но он решился заглянуть внутрь.

Там пахло засушенными цветами и сидром, который она варила в сарае для местных выпивох. Когда у Егорыча умерла жена и он стал якшаться с кем попало и пить что попало, Горюма не смогла остаться в стороне. Она решила, что если не сможет спасти этого несчастного, то хотя бы будет давать ему нормальный алкоголь, а не какую-то бурду.

Он посмотрел на кровать, застеленную красным покрывалом, но перед его глазами стояло другое видение — обезображенное тело. Он сел на краешек кровати и вспомнил, как часто она говорила ему о том, что после смерти ему достанется в наследство дом.

— Ага, дом... — Алфей хмыкнул. — Развалюха, а не дом.

Он обхватил лысую голову руками. Их жилище ещё полгода назад начало клониться на один бок, словно старик, уставший держать спину прямо. Стены в трещинах, крыша течёт при любом дожде, а подпол наверняка полон воды.

Алфей обвёл взглядом её комнату. Пёстрое тряпье на стенах, засушенные пучки трав под потолком, тяжёлый запах сидра и сухих цветов... Всё это теперь принадлежит ему. Эта мысль была тяжёлой, почти невыносимой.

Но он должен продолжать жить. Она бы этого хотела.

Глава 4. Несостоятельность

Правильно говорят, что время лечит. Правда, есть нюанс — время не делает кривые руки прямыми.

С момента похорон прошло сорок дней. Алфей стал понемногу возвращаться к привычной жизни. Стало, конечно, ощутимо тяжелее. Теперь всё лежало на одних плечах, дом без удобств требовал постоянного внимания, а магазинов поблизости не было. Зато дни молниеносно сменяли друг друга, не оставляя времени на тоску. Если тётка была причиной всех его несчастий, сейчас у него появилась прекрасная возможность доказать себе обратное.

Вроде бы даже он неплохо начал. Сначала Алфей навёл в доме порядок — выкинул мусор, который годами хранился в сыром погребе, перемыл всю посуду, помыл окна. Потом он переключился на более специфические задачи и решил начистить до блеска самовар.

— Вдруг кому-то захочется прийти ко мне в гости, — рассуждал он, — а у меня самовар грязный.

Он справился с этим делом... частично. Самовар помимо блеска приобрёл ещё и глубокую вмятину в боку, потому что кое-кто его не удержал.

— Разве может одна маленькая неудача сломить нормального человека? — с натянутой улыбкой рассуждал Алфей, разглядывая дело рук своих. — У вещи появилась история!

Потом его шаловливые ручонки добрались до огорода. Он нечаянно вместе с сорняками выдрал всю морковь. А через неделю из-за неправильного полива все оставшиеся посевы приказали долго жить.

— Я всё равно овощи не люблю... — уже гораздо менее радостно прокомментировал Алфей сам себе, глядя на высохшие грядки.

Надежда умирает последней.

С животными при дворе дела тоже обстояли не очень продуктивно. Алфею казалось, что вся домашняя живность его просто-напросто ненавидит. Куры нападали на него, как только он заходил в курятник, совершенно игнорируя правило о руке, которая кормит. Гуси шипели и норовили ущипнуть побольнее. Но главным кошмаром стала корова Зоя, у которой обнаружили явные садистские наклонности.

Когда он приходил в хлев, чтобы её подоить, начинался настоящий сольный концерт. Сначала Зоя лягала пустое ведро, больно попадая по ногам и осложняя процесс ещё до начала работы. Как только Алфей приноровился к этому выкрутасу и стал ставить ведро ей под вымя, она терпеливо дожидалась, когда оно будет наполнено молоком до самого верху, и только тогда изящно изворачивалась и исподтишка пинала многострадальную ёмкость, заливая всё вокруг белым парным молоком.

Коза не отставала от своей подруги по хлеву. Когда пастух приводил всю живность с выпаса, эта рогатая предательница шла куда угодно и к кому угодно, но только не к Алфею. А однажды и вовсе подняла его на рога, отбросила к забору и попыталась забодать.

Сначала такое поведение новоиспечённый хозяин подворья объяснял тем, что животные тоже чувствуют горечь утраты. Однако Клавдия доказала ему обратное. Когда она пришла

помочь другу, то спокойно надоила молока сначала у Зои, а потом и у козы-агрессорши. Скотина вела себя с ней как шёлковая.

Алфей не опустил руки и после этого. Напротив, это лишь укрепило его решимость. Он решил, что если не может победить их силой, то возьмёт хитростью.

Он стал думать, как выйти из этого патового положения. Это был вызов его творческим и умственным способностям. И он придумал!

Алфей вспомнил про тот уродский плащ из лоскутов, которым он мог несколько раз обернуться. Он достал его из сундука и, борясь с брезгливостью, надел, отправляясь к животным. Он был безмерно горд собой... Сработало! Всё вели себя образцово: Зоя стояла смиренно, коза не пыталась насадить его на рога. План сработал! Целых два раза.

А потом... Потом всё покатилося в тартарары. Либо с одежды выветрился запах их усопшей хозяйки, либо животное его раскусил. Или произошло и то, и другое одновременно. Началось всё по новой, только уже с утроенной силой. Теперь и корова решила стать его кровным врагом. Рогатые подружки встречали его максимально недружелюбно, будто мстя за обман. Он даже хотел отпустить их на волю, но они лишь равнодушно жевали траву у забора, отказываясь покидать сытное место.

Не помня себя от усталости, он обратился за советом к своей давней знакомой. Клава долго думала, но дала ему конкретный способ решения проблемы. По её мнению, его быт могла бы разделить жена. Её всего-то надо найти, что весьма несложно — если не в Брёвеньках, то в соседней деревне, в двадцати вёрстах отсюда. Или он мог обратиться к свахе.

Не без колебаний он выбрал второй вариант. Потому что ему было некогда даже поспать, не то чтобы искать себе невесту, а перспектива быть затоптанным собственной коровой становилась всё реальнее.

Дарья Николаевна, опытная сваха, за плечами которой был не один десяток браков и успешно сведённых пар, скептически оглядела Алфея со всех сторон. Она хотела было сразу отказаться от такой, по её мнению, совершенно невыполнимой работы. Но потом, подумав, хитро прищурилась и потребовала двойную оплату. Эта женщина была не промах — одна из самых зажиточных в этих забытых всеми чертогах, с железной деловой хваткой.

Алфей потратил на эту авантюру все свои сбережения. Преодолев стеснительность, он всё же спросил, по какой причине ставка стала двойной. Ответ его обескуражил.

— Мало того, что ты без одного глаза... — Дарья Николаевна бесцеремонно ткнула костяшкой узловатого пальца в его повязку. — Так ты ещё худой как смерть, наверняка чем-то болеешь, судя по трупному цвету кожи, да и хозяйством заниматься, как я погляжу, совсем не умеешь.

Он хотел ей возразить, но она нанесла контрольный удар:

— И вообще... после похорон твоей тётки эти два... несчастных померли на опушке леса! Меж прочим, бутылку им дал ты, душегуб! Как думаешь, много кто захочет замуж за отравителя?

Хорошо, что он промолчал. Плохо, что он перепутал бутылки и вместо сидра нечаянно подсунул мужикам тёткин яд для крыс.

Расстроенный донельзя бестактностью этой женщины и своими скромными шансами на счастливый брак, он направился домой, рисуя в голове то самые мрачные картины одинокой старости, то весьма оптимистичные — воображая себя главой среднестатистической деревенской многодетной семьи. Оптимизм временно взял верх над отчаяньем, и в его воображении сваха уже мчалась к нему с триумфальной вестью, ведя за руку прекрасную незнакомку.

Он даже попытался представить свою невесту, но в голову ничего толкового не приходило. Перед мысленным взором мелькали лишь размытые, идеализированные образы: то девушка с золотым кокошником на голове, то просто светлый силуэт, приносящий в его дом тепло заботы и запах свежееиспечённого хлеба. Реальность же, в виде покосившегося дома и кровожадной вероломной Зои, безжалостно стирала эти эфемерные видения.

— Ну, как дела? — по дороге от дома свахи он снова встретил Клавдию.

Её синие глаза светились не просто надеждой, а почти детским любопытством.

Алфей лишь молча поджал губы и отрицательно помотал головой, не желая вдаваться в подробности своего унижения.

— Не расстраивайся! — Клава оглянулась по сторонам, словно боялась, что их подслушают, и продолжила шёпотом. — Честно говоря, она и мне уже полгода подбирает жениха. Так что... это процесс небыстрый.

Заговорщически хихикнув, она поправила коромысло на плече и, легко ступая по тропинке, понеслась к колодцу, оставив Алфея стоять с едва заметной улыбкой.

— Ну ладно, если уж Николаевна для первой красавицы полгода ищет... Значит, и мне найдёт. Лет через несколько. — разговор с подругой несильно, но всё же приободрил Алфея.

Но по мере приближения к дому эта хрупкая надежда покинула его окончательно и бесповоротно. Дом всё-таки повалился на бок. Это было не медленное оседание, а резкий, глухой крен, словно кто-то дал дому по шапке, точнее по крыше. Одна сторона кровли теперь почти касалась земли.

Он подбежал к нему, вцепился в покосившийся дверной косяк и, упираясь ногами в землю, попытался выровнять стену руками.

Естественно, у него ничего не получилось — с таким же успехом можно было пытаться сдвинуть гору.

В порыве бессилия он со всей силы пнул ногой стену. Резкая боль в большом пальце ноги, пронзившая его до колена, вернула ему чувство реальности происходящего. Он скакал на одной ноге, схватившись за ушибленную ступню, под оглушительный, издевательский смех детей, наблюдавших за его тщетной попыткой спасти дом из-за дырявого забора.

— Пошли вон, мелкие... — Алфей схватил с земли толстую палку и сделал вид, что гонится за малолетней коздой.

Дети бросились в рассыпную. Вишенкой на торте стала успешная попытка козы пригвоздить его рогами к дому.

— И ты... — сипел он козе, обтирая местами трухлявые бревна лицом. — Пошла отсюда!

Если детей угрозы еще пугали, козе было глубоко наплевать.

Он сумел развернуться к врагу передом. Алфей мгновенно пожалел об этом, получив два мощнейших удара в живот, от которых потемнело в глазах.

В ярости он огрел козу орясиной по хребту, и та, не ожидавшая такой дерзости, начала отступать назад. Как оказалось, для разбега. Она не оставила Алфею выбора. Он, зарывав от

бессилия, сдёрнул повязку со своего дурного глаза. Яркий, неоновый свет, хлынувший из его левого зрачка, на мгновение ослепил и дезориентировал животное.

Но упорства в козе было больше, чем разума. Придя в себя, она с новой яростью принялась гонять хозяина по всему двору.

Беда не приходит одна. Именно в этот самый момент, когда Алфей, петляя как заяц, спасался от обезумевшей питомицы, Дарья Николаевна подходила к его калитке. Рядом с ней семенила потенциальная невеста. Невеста была старше Алфея лет на десять, немного косила и заметно хромала, волоча за собой сухую, негнущуюся ногу. Они со свахой стали наблюдать за разворачивающимся во дворе представлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.